

Валентина Сычёва

Капкан

Спасет только любовь...

Валентина Сычёва

Капкан. Спасет только любовь...

«Издательские решения»

Сычёва В.

Капкан. Спасет только любовь... / В. Сычёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830182-7

Автор раскрывает самобытность нашей повседневной жизни. Грани возможного и её пределы. Здесь присутствуют и любовь, и ненависть. Совершаются подвиги одними и предательства другими. Всё закручено вихрем жизненного потока, заставляя нас переживать, смеяться и плакать вместе с героями этой книги. Критерий момента истины у каждого свой. Ну, а мы желаем автору больших творческих успехов и надеемся, что эта книга — только начало большого творческого пути. Редакция газеты «Высший сорт»

ISBN 978-5-44-830182-7

© Сычёва В.

© Издательские решения

Содержание

Искушение	6
Еще раз про любовь...	9
Цунами	14
Судьба	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Капкан

Спасет только любовь...

Валентина Сычёва

ОТ АВТОРА

Здравствуй, дорогой читатель!

Если ты читаешь эти строки, то значит, ты взял мою книгу в руки. И это меня радует! Ведь написана она исключительно для тебя!

Все события и их герои взяты из реальной жизни. А, я, просто их услышала. Прочувствовала и написала. Как это получилось – тебе судить!

Заранее благодарна.

С уважением, Валентина Сычёва.

© Валентина Сычёва, 2016

© Анна Сергеевна Бондаренко, иллюстрации, 2016

Редактор Дмитрий Дмитриевич Сигов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Искушение

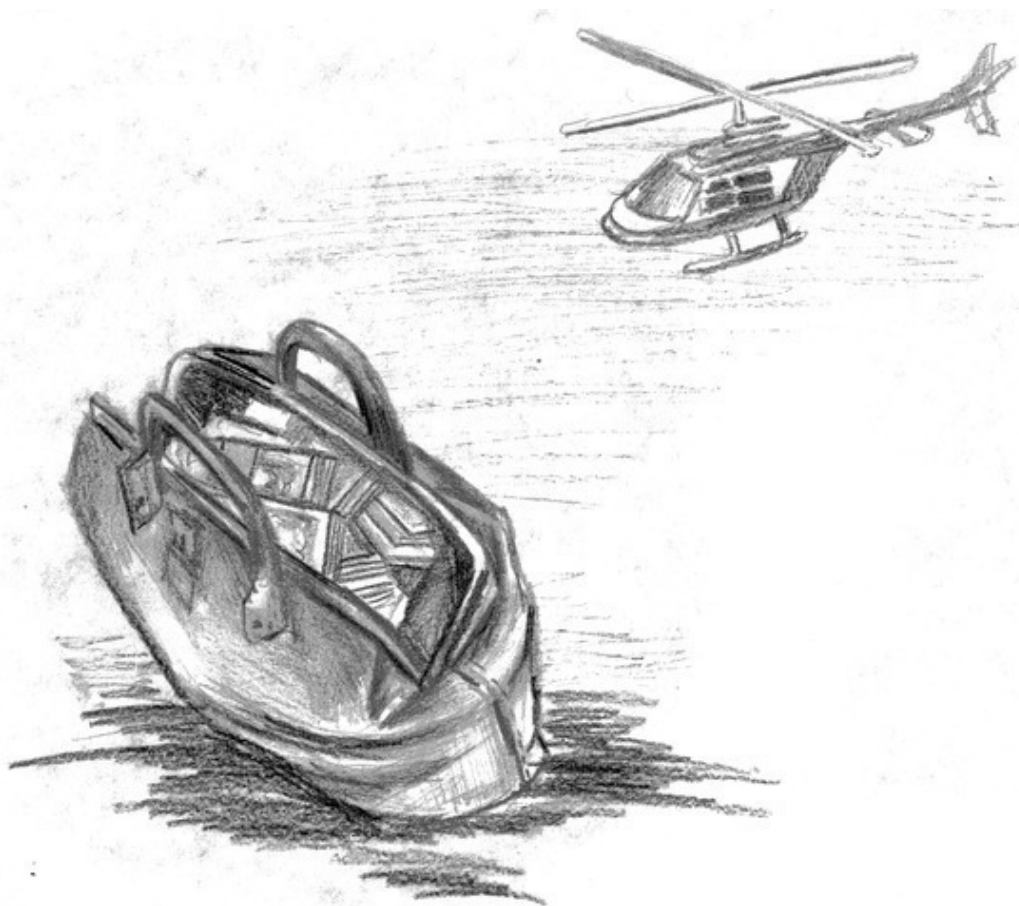
Был вечер. За окном стояла летняя жара. Солнце почти село, но это не принесло того теплого уюта, что бывает при ночном дуновении ветерка. И потому завтрашний день обещался быть таким же жарким и беспощадным. Анна Владимировна стояла перед окном у себя в спаль-ной комнате и смотрела на закат уходящего?, на ночной покой светила. Уже последние лучи игриво ложились золотом на редкие облака, и было тихо и спокойно. Но не на душе Анны Владимировны. Вот уже несколько дней она мучилась над риторическими вопросами: «Кто виноват, и что делать?» Последнее время жизнь ее не баловала. Вечные денежные затрудне-ния. Работа хоть и не пыльная, но малооплачиваемая, муж выпивоха, а детей надо поднимать. Одно радовало, что жила она на берегу живописной реки в поселке городского типа, недалеко от районного центра, куда и ездила каждое утро на работу.

– Да, – думала Анна Владимировна, – все течет, все изменяется. Вот и страна изменилась, кто- то ввысь взлетел, кто – то на задворках остался.

Себя она, конечно, оставляла на задворках жизни, поэтому – то и мучилась бессонницей каждую ночь, принимая снотворное. Жизнь проходила мимо, похожая на мчащийся по кругу паровоз. Где много шума и дыма, и ни одной подходящей платформы, где можно было бы остановиться и поменять направление. Так бы и продолжалось, если бы не один случай, кото-рый мог бы перевернуть всю жизнь Анны Владимировны.

А случилось вот что. Как- то утром, опоздав на автобус, Анна Владимировна, отправи-лась на работу пешком, а чтобы сократить путь, она пошла по тропе через небольшой смешан-ный лесок, который плавно выходил на берег реки. Эта часть реки была божественно красивой, особенно в лучах утреннего солнца. Только одно омрачало – эту поляну облюбовали туристы. Вот и сейчас на ней созерцало огромное кострище, которое еще испускало дымок. Вокруг никого не было, и Анна Владимировна решила посмотреть, не опасен ли тлеющий костер. Она подошла ближе, видны были разбросанные бутылки из- под дорогих вин и остатки продуктов.

– Видно торопились, – подумала Анна Владимировна, – поэтому все побросали, – и стала разгребать костер, чтобы затушить. Обходя его, запнулась о кучу мусора, состоящего из коробок, банок, веток, и почувствовала удар обо что – то твердое. Она нагнулась ближе, рядом с кучей увидела разбросанные визитки, несколько штук интуитивно бросила к себе в сумочку. А остальные загребла ногой в пепел костра. Из-под набросанных веток увидела угол какой – то сумки. Анна Владимировна быстро сбросила ветки и разгребла праздничный мусор, и ахнула...

Перед ней стояла сумка похожая на кейс. Она была темно – коричневого цвета с двумя блестящими замками по обе стороны.

– Вот это сюрприз – подумала Анна Владимировна, но руку к ручке не протянула. – Может здесь взрывное устройство?

Но простое любопытство взяло верх, и Анна Владимировна, резко наклонившись, вытащила кейс из небольшого углубления. Оглянулась по сторонам, быстро направилась вглубь леса, к тропинке. Не доходя, она остановилась, поставила кейс на землю. На удивление замки быстро поддались, и она приоткрыла. Из глубины на нее смотрели стодолларовые купюры. От их зеленого цвета Анна Владимировна даже зажмурилась, руки слегка задрожали, а на виске, запульсировала жилка.

– Боже! – взмолилась Анна Владимировна, – Неужели ты меня услышал?

Но долго размышлять, а тем более считать, было некогда, она уже и так опаздывала. Поэтому, закрыв кейс, Анна Владимировна, почти бегом помчалась к себе на работу. Как добежала – не помнит, очнулась почти рядом у своей конторы. Хорошо, что напарница, с которой они сидели в одном кабинете, на больничном с ребенком, а начальство – в отпуске. Она быстро открыла кабинет, забежала, поставила кейс в глубину стола. Теперь она могла спокойно сесть и обдумать, что делать дальше. Анна Владимировна чувствовала, денег в кейсе много, но считать их пока не торопилась. Надо было глобально продумать, как ими распорядиться. Но в голову лезли мысли только одного сорта – это о смене квартиры, машины, отпуск, учеба детей. И чем больше она об этом думала, тем сильнее начинала болеть голова. Толи от радости, толи от проблем, свалившихся на нее. Время близилось к обеду, а воз был и ныне там. Анна Владимировна так и не решила с чего начать. В голову лезли разные мысли, например, что скажет налоговая, а потом заинтересует полиция. А как она должна объяснить соседям и, конечно же, своим близким. А если все узнают, то и хозяева могут объявиться. И объяс-

ная потом, почему присвоила чужие деньги. И чем больше она об этом думала, тем тяжелее становилось у нее на душе. Стрелки часов неуклонно двигались к четырем. Жара на улице достигла своего апогея. Анна Владимировна встrepенулась, достала свою сумочку, открыла, чтобы достать носовой платок и вытереть пот со лба, и тут – то она заметила пару визиток, что так небрежно бросила сегодня утром. Она их вынула, положила на стол и стала рассматривать. Блестящие, темно – коричневого цвета, с золотой символикой двуглавого орла и золотыми буквами, говорившими о владельце визитки.

Гуров Владимир Викторович и телефоны, факс, почта.

– Как этому человеку сейчас плохо, – подумала Анна Владимировна. И вдруг почувствовала, как одна тайная мысль стала ее преследовать. Она ей шептала: «Позвони». Но второй голос, который присутствовал целый день в голове у Анны Владимировны, говорил: «Не вздумай звонить». В таком раздумье она просидела еще полчаса. Затем достала телефон и набрала номер, указанный на визитке. В трубке раздался приятный мужской голос:

– Аллю, я Вас слушаю.

– Здравствуйте, Владимир Викторович.

– Здравствуйте, с кем я говорю?

– Вас беспокоит Анна Владимировна. Скажите, вы ничего не потеряли?

Сначала было молчание, затем голос сказал:

– Потерял кейс, а там – один миллион долларов.

– Я вам хочу его вернуть, – сказала Анна Владимировна.

– Где я вас встречу? – продолжал мужской голос.

– На том же месте, на берегу, – ответила Анна Владимировна.

– Хорошо, через час я буду там.

Анна Владимировна отключила телефон, встала, решительно вытащила кейс из-под стола. Собрала свои вещи в сумку, закрыла кабинет и тронулась в путь по той же дорожке, что шла утром. Но теперь она двигалась с чувством выполненного долга. Странно, но голова перестала болеть, а голос, что шептал чуть слышно: «Позвони», теперь звучал звонко и радостно: «Ты правильно сделала». И поэтому настроение начинало подниматься. Она не заметила, как снова очутилась на той же поляне. Но что с этой поляной произошло? Все вокруг было разбросано и трава примята. Анна Владимировна поняла, что искали кейс, который она утром нашла. Ждать долго не пришлось, вскоре она услышала шум приближающегося вертолета. На низкой высоте он покружил над кострищем и стал резко снижаться. Наконец вертолет приземлился, и открылась дверца. Показался средних лет мужчина, высокий, элегантно одетый с большой копной темных волос. Он быстро подошел к Анне Владимировне и представился. Она подала ему кейс. Он спросил:

– Что я вам должен?

Она тихо ответила: «Ничего». Он поднял на нее свои красивые синие глаза и внимательно посмотрел:

– Вы серьезно?

– Да, – ответила она.

– Тогда позвольте, Анна Владимировна, спросить у вас. Сколько вам надо денег, чтобы сделать вас счастливой на сегодняшний вечер? Она немного подумала и ответила:

– Хватит одной купюры из вашего кейса. Тогда Владимир Викторович открыл кейс, достал ровно одну купюру достоинством в сто долларов и подал Анне Владимировне. Затем закрыл кейс, повернулся на сто восемьдесят градусов и большим, размашистым шагом направился к работающему вертолету. Через пять минут в небе от вертолета была видна маленькая точка, уносящая несбыточные мечты Анны Владимировны. Но она об этом не думала, она шла быстрым шагом домой и мечтала о том, чем порадует свою семью за ужином сегодня вечером.

Еще раз про любовь...

Третий день шел снег. Он то исчезал, то снова ложился крупными хлопьями на кроны деревьев, дома, улицы, создавая те неудобства, которые могут возникать в большом городе при снегопаде.

Катя подошла к окну, праздничные огни мерцали разноцветным букетом яркого шоу. До Нового года оставалось всего два часа. Она задвинула шторы, и комната наполнилась тем сказочным светом, что бывает в новогоднюю ночь. Но в эту новогоднюю ночь она ничего не ждала. Все события свершились. Летом она разошлась с мужем, а около двух месяцев назад расстались с Андреем, с самым дорогим и любимым, значимым для нее человеком. «Андрей возвратился из их прошлого и снова ушел, но теперь уже навсегда», – думала Катя, украшая свой праздничный стол. Она уже успокоилась и все решила для себя. Жизнь набирала обороты и диктовала свои условия, и Катя принимала их, зная, что будет сложно. Но любовь к Андрею давала ей силы, потому что под сердцем она носила желанный плод их любви, ту искорку божественного счастья, что испытывает женщина в период беременности от дорогого и любимого ею мужчины.

Выносить и родить ребенка в сорок два года да еще впервые – это и радостно и страшно. Но Катя чувствовала, что все будет нормально, особых неудобств по этому поводу она не ощущала, если не считать, что по утрам ее слегка подташнивало, и все время хотелось свежих помидоров и яблок. И в этом она себе не отказывала. Вот и сейчас праздничный стол был украшен натюрмортом из овощей и фруктов. Катя достала три фужера. В один она налила сок, а два других наполнила легким вином. Новый год – это семейный праздник. Она взяла фужер с вином и села в кресло, возле новогодней елки. Вино было приятным, и она мелкими глотками отпила почти половину, до Нового года оставалось чуть меньше часа. Воспоминания так и нахлынули, неудержимо прогоняя кадр за кадром всю ее жизнь.

Вот она совсем молоденькая заканчивает десятый класс, и ей вручают серебряную медаль, вот она поступает в институт. Стоп. Да, вот появляется Сергей, ее муж. Они познакомились случайно. Он учился на последнем курсе, заканчивал, а она на первом. Все произошло так стремительно и ярко. Музыка Мендельсона, кольцо на правой руке, а потом к обязанно-

стям студенческим добавились супружеские. Она переехала к мужу, где он жил с родителями в просторной квартире в центре города. Жизнь с Сергеем не была медом. Он был человеком непредсказуемым и властным. Но он любил ее. И в минуты близости был очень внимателен и ласков. И это сглаживало все неровности их отношений. Но долгожданная беременность так и не наступала. И она, по настоянию врачей, отправилась на грязелечение на местный курорт – путевку достал Сергей. На этом ее первый этап жизни заканчивается. На смену ему врывается другой, стремительный и очень важный. Здесь она встречает Андрея – это восемьдесят шестой год. Да, она все помнит до мелочей. Он подошел к ней на вечерних танцах, там на курорте. Высокий, она ему доставала до плеча. Светлые прямые волосы, ярко-голубые глаза, а еще запомнила его красивые мужские руки, сильные и такие нежные. Танцуя, Андрей спросил о том, что делают на курорте такие молоденькие девушки, да еще с мамами, видимо, приняв напарницу по комнате за маму. Катя рассмеялась и сказала, что она без мамы и что ей двадцать два года.

– Ну а мне восемнадцать – сказал Андрей.

Теперь она задала тот же вопрос, только о юношах. Андрей поведал свою историю о том, как зимой в десятом классе на соревнованиях в лыжной гонке, упал на трассе и повредил плечевой сустав. Вот теперь военкомат направил на грязи и особый массаж, так как в октябре призывают его в армию. Он поведал ей, как не прошел по конкурсу в медицинский институт, хотя сам большого желания не испытывал поступить именно туда, но на этом настояли родители.

В корпус возвращались вместе, так как, оказалось, живут на одном этаже и не так далеко друг от друга. На завтра они договорились встретиться и идти вместе на обед после всех процедур. Перед встречей Катя сняла обручальное кольцо с правой руки, чтобы не объяснять этому юноше, почему и зачем она здесь. Время шло незаметно, и она чувствовала, что их отношения перерастают, во что-то большое, яркое и захватывающее. Она поняла, что любит той первой и прекрасной любовью, которая бывает один раз и оставляет след на всю жизнь. Андрей рисовал эскизы с Кати, постоянно восхищаясь ее утонченной красотой, он звал ее своей принцессой. Художественные данные у него были от природы, но профессионально он их не стремился развивать, а рисовал по зову сердца, когда очень хотелось.

Была осень, середина сентября, как говорят, бабье лето. Природа в Сибири готовилась к зимнему убранству, поэтому небольшой лесок возле курорта, находясь в зоне солнечного света, был похож на калейдоскоп разноцветных стекляшек, переливаясь в лучах.

Они шли, взявшись за руки, и молчали. Катя понимала, что скоро все закончится, и они расстанутся, но сейчас не хотелось даже думать об этом. Андрей повернулся к ней, взял вторую руку и притянул к себе.

– Катюша, я тебя люблю. Я тебя люблю так, что готов быть твоей тенью, этими листьями по которым ты идешь, этим ветром, который ласкает твои волосы, я хочу быть с тобой всегда. Ты понимаешь?...

– Да, – ответила Катя.

Андрей поднял ее на руки, и они закружились, смеясь и падая на траву. Катя лежала на спине и смотрела на это огромное голубое небо, сердце билось в такт словам... я люблю... я люблю... я люблю, Андрей наклонился к лицу Кати, убрал прядь волос и стал нежно целовать губы, глаза, шею. Но продолжения не последовало, она открыла глаза. Андрей смотрел на нее, нежно глядя по волосам. «Катюша, я через месяц уйду служить. Ты меня подожди. Я приду, и мы все решим, ты будешь у меня самой счастливой принцессой. Хорошо?»

Катя лежала с широко открытыми глазами, а по щекам текли слезы.

– Ты плачешь? – Андрей наклонился ближе и стал целовать глаза, наполненные слезами. – Катюша, я люблю тебя.

– Андрей, – Катя, наконец, хотела сказать ему правду, но он остановил ее:

– Не надо, ничего не говори. Я уже все решил.

Она видела этот юношеский максимализм, но ничего не могла сделать, она только подчинялась ему. Андрей резко встал, взял Катю за обе ладони и быстрым движением поднял с кучи осенней листвы, обхватил за талию, и они еще минут пять кружились под кронами деревьев. Потом спустились бегом вниз. Андрей держал ее за руку, не давая упасть. До ужина оставалось всего полчаса.

Время неумолимо, с бешеной скоростью, отсчитывало последние дни, часы, минуты Катиного счастья, неминуемо приближая день расставания. И он пришел – этот серый, дождливый день. Как будто сама природа оплакивала их последний поцелуй и последнее «прощай». Они стояли на перроне возле вагона. Андрей взял ее руки в свои и поднес к губам. Мужские слезы вперемешку с каплями дождя чистой струей стекали прямо в Катини ладони. Она молчала, жизнь для нее остановилась, она разделилась на «до и после». И она не знала, что в этой жизни будет «после».

Катя встала с кресла, подошла к окну, приоткрыла штору. Снег продолжал сыпаться крупными хлопьями. Город замер в ожидании праздника. Она снова и снова пролистывала свой жизненный календарь. Промежуток, длиною в двадцать лет, для нее был усыпан и розами, и шипами. Вот она молодая, красивая женщина, занимающаяся бизнесом. У нее большой цветочный магазин почти в центре города, где она является хозяйкой. У мужа другой бизнес – он совладелец двух автосалонов. Встречаются они только по вечерам за ужином и то не каждый день. Катя чувствовала, что в жизни Сергея присутствуют другие женщины, но устраивать истерики по этому поводу – это не в ее правилах. Тем более, что в минуты их редкой близости он клялся ей в любви и верности. И она воспринимала это как должное, хотя в глубине души понимала, что вечно это не может продолжаться, и конец когда –нибудь наступит. И он наступил. Весной, возвратившись раньше на два дня с выставки цветов из-за границы, она застала мужа в своей постели со своей лучшей подругой, которая и организовала Кате эту поездку, так как работала в туристическом агентстве.

Бракоразводный процесс длился два месяца. Сергей уговаривал её простить его, но она не смогла. При разделе имущества она забрала свой цветочный магазин, личные вещи и ушла, оставив Сергею его бизнес, квартиру, загородную дачу. Детей у них не было. С тех самых пор близких подруг у нее тоже не было.

С Андреем встреча произошла в конце октября совершенно случайно. Она на своей машине возвращалась от родителей из пригорода. Идя на скорости, она почувствовала, что машину ведет вправо, она остановилась и вышла. Так и есть, колесо спустило, пришлось менять самой, так как до ближайшей автомастерской оставалось километров тридцать. За работой не услышала остановившейся машины, и мужской голос спросил:

Вам помочь?

Если можно, – ответила Катя.

Она стояла и смотрела на руки мужчины, которые, как ей показалась, были ей знакомы. Катя подняла глаза и замерла – перед ней стоял Андрей. Высокий, взрослый мужчина с мужественными чертами лица, только глаза были оттуда, из их юности. Андрей подошел к ней, взял ее за плечи:

– Катюша, неужели это ты? Совсем не изменилась, если не считать того, что стала еще прекрасней.

– Ты мне льстишь, – ответила Катя.

– Абсолютно нет, – Андрей улыбнулся.

Они проговорили в ее машине еще целый час. После их расставания, он ушел служить. Был в Афгане. После армии он пытался разыскать ее, но все безуспешно. Закончил заочно институт, факультет радиоэлектроники. И сейчас работает в конструкторском бюро в закрытом городе.

– Делаем умные машины, – смеясь, сказал Андрей. – Женился, есть сын, пятнадцать лет.

Катя сидела рядом и чувствовала, как струя горячего воздуха будто обожгла ее внутри. Это был Андрей, ее Андрей, о котором она вспоминала все прошедшие годы. Катя встрепенулась:

– Андрюша, давай поедem ко мне. Андрей внимательно посмотрел на нее.

– Да, если ты о муже, то я свободна, вернее, стала свободной с июля этого года. Подробности ни к чему. Ну, так как?

Эта встреча была продолжением их прошлого. Три дня любви и счастья. Как из той песни Аллы Пугачевой «три дня было у меня и расставание – маленькая смерть».

– И это правда, – думала Катя. Она сама настояла на том, чтобы Андрей вернулся к своему сыну. Уходя, он за плечи притянул её к себе и, глядя в глаза, спросил:

– Ты окончательно так решила?

– Да, – ответила она.

Андрей резко повернул к дверям и вышел, громко хлопнув. Этот стук закрывающейся двери до сих пор стоял в ее ушах. Два раза расстаться с одним и тем же любимым человеком было мучительно больно. И только работа, ее любимые цветы спасали от разрывающей сердце муки. Однажды утром, собираясь в свой офис, Катя вдруг почувствовала тошноту, потом вспомнила, что в этом месяце у нее не было «критических дней».

– Неужели? – подумала она. Прилив такой жгучей радости наполнил ее тело, что даже закружилась голова. Забирая Андрея, судьба дает ей ребенка. Все три теста, купленные в аптеке, показали один результат- «беременна». Она и радовалась, и плакала. К врачам решила обратиться после всех праздников, а Новый год провести в кругу «своей семьи». Андрей всегда присутствовал в ее мыслях, а теперь еще и их ребенок. Своим родителям она позвонила, что Новый год будет встречать у друзей, а друзьям сообщила, что едет к родителям, и так круг замкнулся.

Катя отошла от окна и посмотрела на часы, до Нового года оставалось всего десять минут. Она приблизилась к столу, зажгла свечи, налила вина. Вдруг раздался звонок в дверь, Катя подумала о том, что она никого не ждет и открывать никому не будет. Но в дверь продолжали настойчиво звонить. Подождав еще пару минут, она направилась к двери, чтобы выяснить, кто ее беспокоит. Катя повернула ключ, и дверь распахнулась. На пороге стоял Андрей: на одном плече у него висела огромная спортивная сумка, а в другой руке он держал пакет с подарками.

– Катюша..., я вернулся..., чтобы больше не уходить. Я так решил.

Цунами

Посвящаю памяти своего отца

Сычева Ивана Евгеньевича

Колеса вагонов монотонно отстукивали дробь, унося состав далеко на запад. Поезд мчался вперед, оставляя после себя пространство, разделяющее мир на «до и после трагедии». Но об этом люди узнают намного позже. А пока состав, окутанный дымовой завесой от пыхтящего паровоза, набирал скорость.

Иван сидел возле окна, непрерывно глядя в одну точку. стакан с недопитой водкой стоял напротив, а закуска была нетронутой. Вот уже пятые сутки демобилизованные солдаты ехали на запад, домой. В вагоне стоял дым от выкуренных папирос, но сильно пьяных не было. Какая – то нагнетающая тишина окутала весь вагон, только изредка были слышны разговоры вполголоса. Сергей, друг и однополчанин Ивана, стал толкать его в плечо:

«Вань, ты бы сыграл чего – нибудь. Так душу тянет».

Иван посмотрел на него отсутствующим взглядом, затем повернулся назад, взял гитару, находившуюся за спиной. Семиструнная, с потрескавшимся от влаги лаком, она досталась ему по случаю тех трагических событий, которые разыгрались всего полтора месяца назад. Память о них была свежей и печальной. И вот раздались первые аккорды вальса «Гибель Титаника». Музыка лилась вначале плавной волной, медленно набирая скорость. И вот она обрушилась всеми аккордами сразу, цепляя и выворачивая душу.

Иван был виртуоз своего дела. Игре на гитаре он был обучен с детства соседом, пришедшим с фронта без ног, но руки и слух у него от «великого музыканта», и это все он вложил в мальчугана, который приходил каждый день и часами мог слушать и учиться сложному ремеслу игры на гитаре. А учеником он оказался способным.

Голоса стихли. И остальные солдаты стали подходить ближе к месту, откуда раздавалась мелодия вальса.

Это был вальс – реквием о погибших товарищах, друзьях, командирах и, конечно же, о ней, о Марусе, дочери командира, семнадцатилетней девушке с огромными карими глазами и этими роскошными волосами ниже пояса. Образ Маруси преследовал Ивана. Ее грустные глаза смотрели с укором, как будто спрашивали: «Ваня, почему?». Почему и зачем в то холодное утро 5 ноября судьба распорядилась так жестоко, Иван не мог ответить. Только белое серебро преждевременно покрыло его виски. Иван ниже наклонил голову, чтобы не было видно слез, омывающих звенящие струны. Это был конец декабря уходящего навсегда 1952 года...

Если посмотреть на карту России, то на самом Дальнем Востоке, между Камчаткой и Японией можно увидеть цепочку островов, которые и есть Курилы. Большая Курильская гряда, ее протяженность составляет 1200 километров и малая – ее протяженность всего 120 километров и простирается она от острова Хоккайдо (Япония) на юге к Северо-востоку. Остров Шумшу находится между полуостровом Камчатка и островом Парамушир, омывается он с двух сторон проливами Первым Курильским и Вторым Курильским.

Иван попал служить на остров Шумшу в середине пятидесят первого. Их полк сухопутных войск наземного базирования, входящий в состав Морфлота, был переброшен из Владивостока дальше, на Курилы, на остров Шумшу. Сам остров был небольшой, в диаметре не более 25 – 30 километров, с одной стороны были сопки, а с другой – болотистая равнина. Всем известно, где прозвучали первые выстрелы Второй Мировой войны, а вот последние – 1 сентября 1945 года на острове Шумшу.

Курильская десантная операция началась, когда повсюду уже перестали стрелять. Уже была разгромлена Квантунская армия в Манчжурии, атомные грибы развеялись над Нагасаки и Хиросимой. Прыгавшие десантники в прибой туманным утром попали под перекрестный огонь – стреляли из выдолбленных в скалах укреплений. Многие тогда утонули, поглощенные волнами и свирепыми течениями. Прорвавшиеся с берега вглубь острова оказались на чахлой кочковатой равнине, поросшей кедровым стлаником. Больше всего жертв на счету дота «171». С него простреливалось почти полуострова. Без его усмирения тишины на Шумшу ждать не приходилось, японцы это понимали не хуже, а потому и дрались отчаянно. Высота трижды переходила из рук в руки. Но это уже история.

Солдатские казармы были отстроены сразу после войны и находились в метрах двухстах от сопки, а ниже располагались селения. В основном, там жили семьи офицеров, обслуживающий персонал и коренное население. Всего население не превышало тысячи. Надо сказать, природа на Курилах очень богата и разнообразна, насчитывающая до полутора тысяч растений. И это при довольно холодном и влажном климате. Летом туманы, тайфуны и шторма с ураганными ветрами, зимой – метели и шторма.

Остров жил своей обыденной, повседневной жизнью. Главной задачей было охранять восточные рубежи нашей необъятной Родины, и она выполнялась отлично.

Взвод, где служил Иван, обслуживал аэродром, оставшийся после японцев. На нем была одна взлетная полоса. По рассказам она служила дорогой в один конец. По ней взлетали самолеты, управляемые «камикадзе» – летчиками-смертниками. Весь остров был усеян японскими трофеями. Искореженные танки, развороченные доты, подземные тоннели, склады оружия

и боеприпасов, подземные кладовые с провизией. Солдаты частенько бегали в самоволку полакомиться сладкими трофеями. И Иван был не исключением. Однажды, обнаружив подземный склад с продуктами, он с другом Санькой Кошелевым решил посмотреть, что хранится в ящиках. Оттащив в сторону пару ящиков, стали вскрывать. Вдруг Санька схватил Ивана за руку: «Тише, Ваня, кто-то идет».

Они сели за кучу ящиков и притихли. Из лабиринта показались трое небольших людей с рюкзаками за плечами. Ивану показалось, что они были в японской военной форме. Трое подошли с другого конца склада и посветили фонарями, при этом они тихо разговаривали, языка нельзя было разобрать. Затем они нашли, что искали, и стали сыпать в рюкзаки. А потом так же внезапно скрылись. Ребята немного подождали, а затем подошли к месту, где находились незнакомцы. На полу был рассыпан рис. Поговаривали, что будто бы здесь где-то находится тоннель, прорытый пленниками – китайцами. Он должен был соединять материк с островами. Но это легенда. А тут? Ребята решили об этом никому не говорить. Мало ли что, может, показалось, а, может, кто-то местный. На этом и порешили. Но одни больше туда не ходили.

Командира полка, капитана Савичева Петра Ивановича, любили все в полку – это был их «батька». К солдатам он был добрым, но справедливым. Жил Петр Иванович пока один. Все никак не мог семью перевезти с материка: то дом был еще не достроен, то жена с детьми не торопилась, потому что дети доучивались. И вот в июне 1952 года все получилось, и он наконец- то перевез жену и детей. Только старшая дочь должна была подъехать позже, она оканчивала курсы фельдшеров в училище.

Небольшой бытовой скарб помогали разгружать два солдата, среди них был и Иван. Он молча носил цветы в горшках и ставил, куда указывала супруга капитана. Но вот ему на глаза попалась гитара. Большая семиструнная в темно-коричневой лакировке под старинный раритет семнадцатого года. Взгляд Ивана заметил Петр Иванович:

- Что знаком этот инструмент и играть умеешь?
- Да, – ответил Иван, – знаком и играть умею.
- Ну, тогда закончим, и ты нам сыграешь, – продолжил капитан.

Иван был рад держать гитару в своих руках. Как он соскучился по ней! Он подтянул струны, пробежался по каждой, настраивая ее. И вот первая мелодия вырвалась на свободу и заполнила всю комнату. Жена командира накрывала на стол, она с удивлением повернулась в сторону Ивана, затем села на стул и стала слушать. И это продолжалось больше часа. Иван проиграл весь свой репертуар. Все были в восторге, и командир обещал, что организует местную полковую самодеятельность, и Иван будет в ней участвовать. Но этого не случилось. Произошедшие события изменили всю траекторию жизненного пути каждого, кто выжил.

С этих самых пор Иван стал часто бывать в доме командира полка. То дрова помогал колоть, то крышу крыть на бане, но, в основном, он играл на гитаре. До дембеля оставалось каких-то пять – шесть месяцев, и Иван мечтал, как он вернется домой и какая у него будет жизнь. В очередной раз он получил увольнительную и по просьбе жены Петра Ивановича должен был прийти к ним домой. Намечался праздник, и по этому случаю Ивана пригласили как гостя, но он понимал, что его будут просить играть, и был этому рад. Подходя к дому командира, он увидел девушку, она спускалась с крыльца. Иван обратил внимание, что девушка была необыкновенно красива. Она быстро сбежала и подошла к нему, улыбнулась:

- А мне рассказывали про вас, – она протянула ему руку, -Маруся.
- Иван, – ответил он, беря Марусину руку в свою ладонь.

Их взгляды встретились. На него смотрели такие нежные, лучистые глаза, что он стоял, как замороженный. Сердце учащенно забилось, а на лбу выступил пот. Маруся опустила глаза, щеки ее слегка зарделись. Она убрала руку с ладони Ивана и смущенно сказала:

- Проходите.

Иван пошел за ней. Весь вечер у него все валилось из рук, он даже чашку чая умудрился пролить на себя. Только когда взял гитару в руки, почувствовал себя свободно. Он в этот вечер играл так, как не играл никогда. Он играл для Маруси.

О любви Маруси и Ивана знал весь остров. Сослуживцы и друзья так и звали их женихом и невестой и тайно завидовали Ивану. А они, молодые, мечтали о своем счастье. Однажды, в сентябре, прогуливаясь по местному пляжу, Маруся решила искупаться в океане. Стоял жаркий осенний день. Она зашла в воду прямо в платье и поплыла. Ее шикарные волосы расплелись и опутали плывущее тело вокруг ореолом. Иван сильно испугался за нее, быстро разделся и поплыл ей навстречу. На берег они вышли вместе. Маруся громко смеялась своим звонким смехом, отжимая волосы и заплетая их в косу, затем она отжала платье, попросив Ивана отвернуться. А потом они сидели на валуне, на берегу океана.

– Ваня, а ты веришь в русалок?

– Верю, – ответил Иван.

– А вообще, речные и морские русалки отличаются?

Иван подумал и ответил:

– Отличаются. Речные русалки – это утонувшие девушки, которые иногда выходят из воды, чтобы затащить туда одиноких путников. А вот морские русалки – это серены. Если морские корабли попадают в область их владений, то живым корабль оттуда не возвращается. Говорят, серены хорошо поют, что тот, кто их слышит, сам прыгает в воду с корабля, а иной раз и весь корабль уходит под воду, потому что становится неуправляемым.

– Да, как интересно, – Маруся повернула голову к Ивану. – А вот, если бы я вдруг утонула, то стала бы русалкой или сереной?

Иван посмотрел на Марусю, затем чуть придвинулся к ней и нежно поцеловал ее в алые губы.

– Маруся, я не хочу, чтобы ты стала русалкой или сереной. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты согласна?

Маруся посмотрела на Ивана широко открытыми глазами, улыбнулась и кивнула.

– Нет, ты скажи мне, – настаивал Иван.

– Да, – ответила Маруся, быстро соскользнув с камня, и побежала вдоль берега. Иван бросился за ней. Так они еще долго смеялись, догоняя друг друга.

Раннее утро пятого ноября 1952 года было тихим, весь небосклон был усеян яркими звездами, и ничего не предвещало беды. Она пришла внезапно в четыре утра. Сначала раздался большой гул, как будто несколько реактивных самолетов взлетели одновременно, затем земля стала раскачиваться.

Казарму, где спал Иван, трясло так сильно, что сыпалась штукатурка, стены, потрескались, а кровати сдвинулись. Ребята соскакивали и выбегали на улицу кто в чем, а там уже одевались на ходу. Никто сразу и понять не мог, что происходит. Землетрясения случались и раньше, но все быстро заканчивалось, больших неприятностей не было. А здесь что-то не так. Все гудело и содрогалось. Через полчаса пришла тишина, и все стали возвращаться в казармы, и никто не заметил, что океан как-то отступил от берегов, освобождая территорию для нового удара, но уже в другом формате. Из тишины, со стороны океана, стал слышен нарастающий гул, он быстро приближался. Те, кто остался на улице, смотрели в сторону океана. Оттуда шла волна большой высоты. Раздались крики:

– Волна, волна, спасайся, кто может.

Сами они бежали к сопкам, но было уже поздно. Подошедшая волна накрыла остров, унося все, что можно было унести с собой в океан. Иван не успел выбежать на улицу, и поэтому первая волна накрыла его в казарме, продавив окна и двери. Те, кто пытался бежать в сопки, были унесены в океан, уцелевших было немного. Те, кто остался в казарме, спаслись. Казарма осталась, только крышу снесло. На острове была паника, раздавались крики о помощи. Первая

волна спала, оставив большую часть построек без крыш и сараев. Все в этом аду перемешалось, и среди криков и воплей заметили не сразу, что со стороны океана неслась волна еще более мощная, огромной высоты, разрушая и громя все на своем пути. Она шла с интервалом в двадцать пять-тридцать минут, и у спасшихся от первой волны шансов выжить почти не осталось. Только те, кто находились недалеко от сопки, могли спастись, забравшись на них.

Иван после первой волны, выбравшись из казармы, решил найти Марусю. Он бросился туда, вниз, где была улица, но не успел. Вторая волна с огромной скоростью, со страшным скрежетом и шумом неслась на остров. Времени, чтобы выжить, оставалось все меньше и меньше. Сергей и Пашка, решив помочь Ивану найти Марусю, бросились к нему, крича:

– Ваня, уже поздно, бежим в сопки, или мы все погибнем.

Они схватили Ивана и стали тащить в сторону сопки, но он упирался, крича на ребят, чтобы те отпустили его, и что он найдет Марусю. Пашка повернул Ивана к себе и ударил наотмашь, чтобы тот пришел в себя. Затем они с Сергеем подхватили его под руки и стали быстро двигаться в сопки. Уже поднимаясь на высоту, они обернулись. В предрассветной мгле картина, которая развернулась, была ужасной.

Остров весь ушел под воду, и она еще прибывала. На поверхности плавало все, что было легче воды. Крики о помощи и безысходности слышались со всех сторон. Иван присел на корточки, закрыл голову руками и зарыдал.

Только к полудню вода стала убывать, открывая глазам страшную картину произошедшего. На месте поселений ничего не осталось: все дома, казармы и штаб были смыты в океан, осталось в живых не более сотни человек. Еще целую неделю океан выносил трупы на берег. Но среди погибших Иван не нашел тела Маруси. Видимо, океан не захотел ее отдать. Он забрал Марусю к себе, и теперь она одна из них – Серена. Ивану так было легче думать о своей любимой. На берегу он нашел гитару своего командира и отца Маруси. Он оставил ее себе на память о том, чего у него уже никогда не будет.

Через две недели оставшихся в живых солдат и офицеров перебросили по морю в город Владивосток, на военную базу. Уже в пути от команды логгера, перевозившего их, Иван узнал правду о том, что произошло ранним утром пятого ноября 1952 года.

В ста тридцати километрах от мыса Шипунского полуострова Камчатка произошло землетрясение. Очаг его находился на глубине всего семи – восьми километров. Им было охвачено побережье на протяжении семисот километров, от полуострова Кроноцкого до Северных Курильских островов. Сила толчков достигала девяти баллов. Затем последовало две волны – первая шла высотой шесть – восемь метров, частично разрушая и унося в океан постройки, людей, скот. А следом, с интервалом в двадцать пять-тридцать минут, шла вторая волна, высотой до пятнадцати метров. Ее разрушительная сила и мощь была огромной. Пострадало восточное побережье Камчатки. Остров Шумшу уходил под воду, оставались незатопленными только сопки. Сильно пострадал остров Парамушир. На нем были полностью разрушены и унесены в океан город Северо – Курильск и еще пятнадцать населенных пунктов, находившихся ниже. Пострадали острова Алаид, Онекотан и другие. Всего погибло более шести тысяч человек (точной цифры нет). Если бы острова имели плотность населения больше, то и жертв было бы намного больше.

А пока под звуки музыки – реквиема, в память о погибших, состав с бешеной скоростью нёсся вперед, на запад, унося с собой ту правду, которую знал и сохранил в своем сердце каждый, кто остался в живых.

Судьба

Солнце стояло в зените, когда две кудрявые головки показались из-за кустов, поднимаясь от речки прямо в гору по каменистому обрыву. Это были Ванюша и Валечка. Семилетний Иван крепко держал за руку пятилетнюю Валечку, а она другой ручкой, приподняв подол платья, несла кучу разноцветных камней, которые они насобирали с Ванюшей. Солнце лучами игриво гладило две кучерявые головки, наделяя их светом и теплом текущего дня.

Дети дружно разговаривали, решая, где и как они применят находку. Пройдя вдоль берега еще немного, сели под небольшую березку, чтобы выбрать самые красивые камни. Разобравшись, они растолкали их по карманам, а остальные собрали в кучу и прикрыли травой. Ну вот, дело сделано. Иван быстро поднялся на ноги, помогая встать Валентине, затем они, смеясь, бросились бежать вдоль огородов, сверкая голыми пятками по зеленой траве. День близился к обеду.

Село Раздольное было средней величины и состояло из нескольких улиц. Это была центральная усадьба одного из зажиточных совхозов. Только что закончилась дневная дойка, и доярки спешили домой к обеду. Дети выскочили из проулка на свою улицу. Валечка побе-

жала навстречу своей матери, на ходу доставая из карманов камни и показывая их ей. Иван развернулся и пошел к своему дому. Недалеко от дома Ульяна, мать Ивана, ждала его с кнутом в руках. Она несколько раз прошла по спине Ивана, приговаривая:

– Я тебе сколько раз говорила не играть с Валькой, тебе что мало других ребятишек?

Ульяна потащила Ивана за руку к дому. Всю эту картину наблюдал сосед, сидя на зава- линке. Дед Прошка не помнил точно сколько ему лет, зимой и летом он выходил посидеть на зава- линку в одних и тех же валенках и шапке- ушанке. Вот и сейчас Прошка сидел на зава- линке, прищутив свой единственный глаз, второй, как он утверждал, потерял в Финскую, и наблюдал, как Улька бьет своего сына.

– Ты что это, Улька, своего сына лупишь? Чай что натворил?

– Не твоего ума дело. Ульяна зло посмотрела на деда и снова ударила кнутом сына.

Она не любила деда Прошку, он всегда ее подковыривал, давая повод посмеяться. От этого Ульяна его еще больше ненавидела. Вот и сейчас Прошка, повернувшись в ее сторону, проронил:

– Ну и злая же ты, Улька, баба, не зря тебя мужик- то хотел бросить, а сейчас запил, я бы от тоски повесился.

Улька от злости чуть не поперхнулась, развернув свои телеса в сторону Прошки, она галопом пошла в атаку на деда, бросив руку сына:

– Ты чего несешь, старый хрыч, помирать пора, а ты все туда же.

Улька замахнулась кнутом на деда, тот еле увернулся, подставив свой костыль.

– Ну и дура же ты, баба, дети- то здесь причем?

Прошка сплюнул в сторону и стал медленно подниматься с зава- линки:

– Вот был бы я чуток помоложе, прочил бы тебя, змея ты гремучая.

Но последних слов Улька уже не слышала. А причина не любить Валечку у нее была. Пол- тора года назад муж Татьяны, матери Валечки, попал под гусеницы своего же трактора и погиб, оставив жену с двумя детьми на руках. Вот ее- то и присмотрел Николай, муж Ульки, по натуре робкий застенчивый мужчина, работающий, немногословный. Стал захаживать, но всякий раз получал от ворот поворот. Татьяна была, симпатичной и спокойной женщиной, и Николай ей нравился, но он был женат, да и его взбалмошный жены она побаивалась.

Но каким- то образом до Ульки дошли слухи, что ее муж захаживает к соседке. Ну, конечно же, она устроила дома скандал, побив супруга скалкой и опозорив на всю улицу, да и Татьяне досталось. После этого случая Николай даже запил, сетуя на свою семейную жизнь с женой- мегерой, но ничего не поделаешь, трое детей надо растить, смирился, но иногда украд- кой продолжал поглядывать в сторону дома соседки, тяжело вздыхая.

А вот Ванюшка, его младший сынишка, и Валентина, Татьянина дочь, подружились, чем сильно раздражали Ульяну. Но несмотря на угрозы матери Ванюшка продолжал играть с сосед- ской девочкой. Их часто видели вместе. Соседи с умилением смотрели на этих двух ребяти- шек, похожих на двух ангелов, только один -белокурый, а другая- темноволосая. И в сердцах ругали грозную Ульяну, которая мешала дружбе двух юных созданий.

Время шло, дети росли, и дружба между ними плавно переросла в любовь, из детской в юношескую. Они мечтали, что никогда не расстанутся. Но Ульяна думала по-другому. Она так и не смирилась с тем, что ее сын против ее воли дружит с дочерью Татьяны. Да и супруга можно было бы простить, но не тут – то было, она еще больше увеличила контроль за своим мужем, так как он частенько, вечером, управляясь по хозяйству, таинственно исчезал, а потом появлялся навеселе и при нападении на него супруги молчал, стараясь уйти подальше с глаз.

Ульяна все- таки выследила своего мужа, куда это он исчезает, и как оказалось, оседает он у деда Прошки. Дед Прошка год назад похоронил свою жену и теперь слыл бобылем. Взрослые дети и внуки его проведовали часто, помогали по хозяйству: то дрова кололи, то воду прино- сили, убирались в доме, но в основном Прошка был один, вот Николай к нему и стал захажи-

вать, чтобы с ним выпить да душу излить о своей житухе нескладной. А главное, рассказать о своей несостоявшейся любви к соседке Татьяне.

Однажды Ульяна и застала их за очередным распитием бутылки самогона и откровенной беседой. Николай, увидев жену на пороге, чуть стакан не выронил, но пока жена двигалась, как танк на амбразуру, он успел выпить содержимое и быстро встать. Николай только и успевал уворачиваться от оплеух, потому что руку на женщину никогда не поднимал. И когда дело дошло до Прошкиного костыля, стоявшего возле Прошки, то дед не выдержал и поднялся, чтобы встать между Николаем и Улькой, угрожая ей, что он вызовет милицию по поводу ее дебоша в его доме. Улька повернула голову в его сторону и с размаху так толкнула Прошку, что он отлетел в угол комнаты, ударившись о кровать и падая на пол. Прошка застонал, Николай подбежал к нему, поднял его и положил на кровать. С нее уже Прохор Иннокентьевич больше не встал. Как оказалось, он сломал бедро, так через полгода он и помер, придав забвению тайну своей болезни.

Ульяна в глубине души понимала, что виновата в смерти деда, но себя она оправдывала.

– Не спаивал бы мужа старый пень, ничего бы и не было, туда тебе и дорога, – думала Ульяна всякий раз, когда вспоминала деда Прошку.

– Ну вот, с одной бедой покончено, но что делать со второй? – думала она всякий раз, когда видела своего младшенького Ванюшку с Татьяниной дочкой. Ульяна поставила себе цель, во что бы то ни стало разлучить их, только наступил бы нужный момент, и он наступил.

Близился июнь, Ивана должны были забрать в армию. Его задержали на год, пока училище механизаторов закончит, а Валентина готовилась к выпускным экзаменам, заканчивая десятый класс средней сельской школы. Им предстояло расставание на два года. Вот этим-то и хотела воспользоваться Ульяна, видя, какой красавицей стала Валентина.

Иван и Валентина сидели на берегу, прижавшись друг к другу. Иван уезжал утром от сельсовета. Июньские ночи так коротки, а надо столько успеть сказать, Иван сильнее прижал Валентину к себе и стал нежно целовать. Эта ночь была для них ночью любви и страсти, счастья и слез, она дала импульс новой жизни, но об этом они узнают позже, а сейчас слова любви и обещаний ждать, любить надеяться и верить звучали, как клятва, которую они дали друг другу. Только вот судьба – то уже расставила свои невидимые сети.

Шло время, Иван служил. Друг другу они писали нежные и трогательные письма. Валентина ждала ребенка, их с Иваном ребенка, поэтому она отложила поступление в медицинское училище на год. Круг замкнулся, и все было бы хорошо, если бы Ульяна не питала столько ненависти к Татьяне, матери Валентины, и к самой Валентине. Да здесь еще после ухода Ивана в армию, Николай, муж Ульяны, как взбесился, встал на колени перед ней и стал упрашивать, чтобы она отпустила его, бедолагу, с Богом к Татьяне. Ульяна расплакалась от обиды, таская Николая за волнистый чуб, приговаривая: «Ишь, чего задумал, а обо мне ты подумал? Неужто, я хуже твоей Таньки? Сейчас, жди, я ей сделаю такой подарок! Не бывает этому никогда!» Николай стоял на коленях перед женой, закрыв глаза, и молчал. После этого случая Ульяна замкнулась сама в себе и стала усиленно думать, как избавиться от Татьяны и ее дочери. И что ей приходило в голову, так это магические отвороты, которыми владела тетка Груня, местная колдунья, живущая на соседней улице в самом конце. Ее дом находился почти возле леса, поэтому солнце редко посещало его, делая тем самым это место таинственным и тёмным. Вот туда-то и собралась идти одним из вечеров Ульяна со своими проблемами. Дойдя до калитки дома колдуньи, она тихонько приоткрыла ее. Во дворе никого не было, посередине двора стоял большой чан, а под ним горело небольшое пламя, вода уже закипала, вокруг чана стояли разные мешки с травами разных мастей и наименований. Тетка Груня варила новое зелье, травяной запах терпко бил в нос, вызывая легкое покалывание. Ульяна зашла в калитку, оглядываясь по сторонам:

Тетя Груня, вы дома?

Со стороны бани заскрипела дверь, в нее высунулась голова тетки Груни:

Дома, дома. Проходи, Ульяна, в дом. Я тебя уже давно поджидаю.

Ульяна удивленно посмотрела на тетку Груню, но спрашивать ничего не стала. Она зашла в дом, закрывая за собой двери. Дом колдуньи, тетки Груни, был небольшим, ставни в нем были закрыты, поэтому в комнате было темно и прохладно. Дом разделяла на две половины русская печь, всего было три окна – два в комнате, они выходили во двор, и одно окно – в кухоньке, оно смотрело на лес. Скарб тетки Груни был весьма скромным, кровать, самодельный стол, комод да большой старинный сундук, стоявший возле кровати в углу. На столе стояла небольшая керосиновая лампа, освещающая висящую икону Божьей Матери.

Ну что случилось, Ульяна? – скрипучим голосом громко спросила тетка Груня. Ульяна вздрогнула. Она не видела, как вошла хозяйка.

Да, вот..., – Ульяна прошла к столу и села на лавку напротив стоящей на столе лампы так, чтобы свет на нее не падал. И Ульяна рассказала все о своей жизни невеселой. Тетка Груня ее выслушала внимательно, а затем сказала:

Николая я верну тебе, а вот детей-то зачем разлучать, ведь у них-то дитя будет. Грех.

Тут- то Улька и разошлась, рисуя картину, какая Валька плохая, ведь и ребенок не Ивана, гуляет она, и, вообще, сын ее заслуживает другого счастья.

Ну ладно, приходи завтра, ровно в половине двенадцатого ночи, я все приготовлю, поняла?

Ульяна кивнула головой, а сама быстро достала из сумки узел с продуктами, расчет. «Забери свой узел, принесешь завтра. А сейчас иди и не оглядывайся».

Ульяна встала с лавки, положила узел в сумку и быстро направилась к двери.

На другой день она все сделала, как говорила ей тетка Груня. И уже в половине двенадцатого была дома у колдуньи.

Слушай меня внимательно, – тетка Груня взяла мел и очертила большой круг возле русской печи, – Я встану в круг и буду читать заклинания, ты сидишь тихо и держишь вот этот крест на веревке. Я буду читать долго, то, что ты увидишь, не бойся и ничего не говори, как только закукарекает петух, сразу войдешь в круг и оденешь мне этот крест на шею, возьмешь меня за руку и сведешь с круга. Ты все поняла?

Да, – Ульяна взяла крест и села на лавку под икону. Тетка Груня сняла свой дневной наряд, одела холщовую белёную рубаху, распустила свои волосы и ровно в двенадцать вошла в круг, становясь лицом к трубе русской печи, по центру круга. Она открыла широко глаза и, глядя, не мигая, в одну точку, стала произносить очень быстро заклинания. Ульяна урывками всё только слышала и ничего не могла понять. Ближе к двум часам ночи Ульяна увидела, как над кирпичной трубой, доходящей до потолка, появилось вначале белое пятно, затем оно росло, и, наконец, она увидела живой прозрачный силуэт своего мужа Николая, он был на расстоянии от пола и постоянно вибрировал, при этом глаза его были закрыты. Колдунья стала громко его спрашивать: «Ты любишь свою жену Ульяну?» Николай или то, что было похоже на Николая, чуть слышно ответил: «Нет», – и стал снова исчезать. Ульяна поняла, что колдунья вызывает душу Николая. Тетка Груня снова начала произносить заклинания, и по мере увеличения интонации голоса силуэт Николая снова стал появляться, колеблясь, как горящая свеча. Ульяна смотрела и боялась даже шелохнуться. Колдунья снова стала спрашивать Николая, любит ли он свою жену, но он молчал, затем стал исчезать. Колдунья подняла руки вверх и снова стала повторять заклинания, четко выделяя слово «приди». Рассвет забрезжил за кухонным окном. Ульяна обратила внимание, что ставни на этом окне были открыты. Тетка Груня читала заклинания, держа руки в направлении трубы. Ульяна заметила, что силуэт Николая снова стал высвечиваться, сначала чуть заметно, затем все ярче и ярче и, наконец, он появился, зависая над трубой. Колдунья снова спросила:

Ты любишь свою жену, Ульяну?

Силуэт молчал и только на третий раз, когда его спросила колдунья, ответил дрожащим голосом: «Да». Колдунья опустила руки, но заклинания продолжала читать. Образ Николая стал таять. Через некоторое время Ульяна услышала кукареканье петуха, она встрепенулась, как ото сна, и ничего не могла понять, ей казалось, что она спала, только тетка Груня стояла в кругу, опустив голову, длинные седые волосы спадали на лицо. Ульяна быстро встала, взяла крест, что ей дала колдунья и, зайдя в круг, быстро накинула ей на шею, затем взяла за руку и вывела за круг. Еще постояв немного молча с опущенной головой, тетка Груня стала потихоньку приходить в себя. Затем она медленными движениями сняла рубаху, надела свое платье, волосы собрала в пучок и уложила аккуратно на голове.

Ну, вот и все. Сейчас ты пойдешь домой, не оглядываясь и не говоря ни с кем, возле дома тебя будет ждать твой муж. Я тебе дам зелье, ты его добавишь в еду или в вино. Слушай меня внимательно, вот эти иголки, – она достала несколько штук иголок, открыв створку висячего ящика возле стола на кухне, – ты постарайся отослать своему сыну, главное, чтобы он их взял руками и сам положил в определенное место, и вот эту землю ты высыплешь незаметно, возле ворот подруги своего сына. Ты все поняла?

Да, – сказала Ульяна. Она открыла свою сумку и достала большой узел с продуктами для колдуньи.

Ульяна все сделала, как говорила ей тетка Груня. Возле ворот своего дома она встретила мужа, он схватил ее за руки:

– Ты где была? Я всю ночь не спал и себе места не находил.

Ульяна молчала, она видела, как переменялся ее муж. И это было только начало ее грязного дела. Затем она сделала все, как говорила ей колдунья, в отношении своего сына. Она даже нашла одного из бывших друзей своего сына, спившегося Василия, сына кухарки из местной столовой, напоив, она убедила его, чтобы он тут же, написал письмо Ивану о том, что его подруга, Валентина, гуляла без него и что ребенок это не его. Ульяна быстро выхватила письмо из рук опьяневшего друга, спрятав его в карман фартука. На следующий день она отправила это письмо своему сыну отдельным конвертом, подделав почерк.

Валентина зашла домой, неся в руках очередное письмо от Ивана. Глаза ее светились радостью и счастьем. Она тихо прошла в комнату и села на край кровати, рядом в детской кроватке посапывала их с Иваном дочь Светлана, ей было почти четыре месяца, светлые кудри раскинулись по подушке, она улыбалась во сне. Валентина быстро открыла конверт и стала читать письмо. По мере углубления в текст письма, ее лицо стало меняться, она побледнела, и ее синие глаза наполнились слезами, письмо выпало из рук, не помня себя, Валентина упала на кровать и разрыдалась, разбудив дочь.

В этот день с утра на сердце у Татьяны, матери Валентины, было беспокойно, предчувствие каких-то событий тяжестью ложилось на него. Отпросившись у бригадира, Татьяна решила сбежать домой, посмотреть все ли в порядке. Она быстро добежала до дома; забежав во двор, услышала плач внучки Светланы, бросилась в дом. Татьяна быстро вошла в комнату, на кровати она увидела плачущую дочь, а рядом плакала внучка, на полу валялись конверт и письмо. Татьяна подняла письмо и стала медленно читать, беря на руки плачущую Светлану. Она села на кровать рядом с дочерью, держа в одной руке успокоившуюся внучку, а в другой письмо. Еще его не прочитав, Татьяна поняла, что случилось. Она знала, что рано или поздно это должно было произойти. Ульяна не оставит детей в покое, она постарается их разлучить.

Иван в своем письме обвинял ее дочь в неверности, отказывался от Светланы и пожелал, чтобы она свою жизнь устраивала без него, предупредил, что ответа не ждет, потому что даже читать ее письмо не будет. Круг замкнулся, не оставив пространства для раздумий и шанса все вернуть. Судьба черной полосой коснулась ее, Татьяну, она с горечью в душе осознавала, что и ее дочь страдает от этой черной полосы, и всему виной ненависть Ульяны к ней. А самое

главное – все понимаешь, но исправить-то ничего не можешь. Татьяна встала с кровати, положив внучку в кроватку. Затем она подошла к рыдающей дочери, присела возле нее на кровать и стала гладить Валентину по разбросанным до пояса вьющимся волосам, давая ей возможность выплакаться. Она с грустью смотрела на вздрагивающие плечи дочери и вспоминала свою жизнь. Муж ушел из жизни рано, оставив ее с двумя малолетними детьми, а Николай, муж Ульяны, оказался, при всех своих достоинствах, слабым и бесхарактерным. Да, они любили друг друга, но что может женщина, если мужчина ничего не может решить?

Ничего. Зато злая и ненавистная Ульяна все решила за них. Татьяна вспомнила, что в последнее время Николая не узнает. Он сильно постарел, волосы – сплошной снег, осунулся. А глаза? Когда – то красивые, голубые глаза, стали тусклыми, а главное, в ее сторону больше не смотрят. При случайной встрече он отводит взгляд и бежит, едва кивнув головой. «Странно, что- то здесь не так. Но моя-то жизнь в большей ее части прожита, а вот жизнь дочери я не дам загубить», – думала Татьяна. До прихода Ивана оставалось девять месяцев, и за это время надо съехать отсюда подальше, чтобы все забыть. А вот куда, надо порешать. Но съезжать Татьяне не пришлось, сама судьба распорядилась по-другому. Близилась уборочная пора, из города нагнали грузового транспорта с молодыми ребятами. Вот и влюбился в Валентину один из приезжих водителей, молодой неженатый Алексей, высокий широкоплечий парень. Валентина долго не отвечала ему взаимностью, но Татьяна стала ее уговаривать, чтобы та обратила на Алексея внимание. По окончании уборочной Алексей приехал на такси за Валентиной и ее дочерью Светланой, прося руку и сердце и обещая любить обеих. Татьяна с радостью их благословила, при этом она видела холодность своей дочери, но вопрос был решен. Может быть, слюбится – стерпится, она не знала, как лучше.

Шел дождь вперемешку со снегом, Валентина еще немного постояла возле машины, затем открыла дверь и села в нее. «Волга» резко тронулась с места, оставляя позади себя две размытых дождем колеи.

Иван сидел за столом. Прошло два дня, как он возвратился домой возмужавший, совсем взрослый, молодой мужчина. Ульяна, мать Ивана, суетилась, старалась угодить сыну, подавая разные яства. Приход Ивана из армии отмечала почти вся улица, гостей было много. Молодые девчонки так и крутились рядом, заставляя обращать на себя внимание. Не было только одной Валентины, и поэтому Ивану было горестно на душе и пусто. Сидевший рядом отец подставлял разные тарелки с закуской, приговаривая: «Ты, сынок, закусывай, мать так все вкусно приготовила». Иван не узнавал отца, за два года он стал седым не по – возрасту, сильно постаревшим, да и мать что- то сдала, больше гнущая книзу стала. Иван еще немного посидел, а затем не выдержал и спросил отца:

А как наши соседи поживают?

Ты о Валентине? – переспросил отец.

Да, – Иван взял стопку водки и залпом выпил ее.

Да, Валентина, я слышал, вышла замуж за приезжего и уехала с ним, забрав дочь.

Далеко?

Не знаю, Ванюша, я ведь с ее матерью почти не общаюсь, – проговорил отец, держа руку в области сердца. Что- то сердчишко стало пошаливать, пойду, полежу немного.– Николай встал из-за стола и, шатаясь, пошел в соседнюю комнату. Выпитая водка не действовала на Ивана, он больше замкнулся в себе, становясь угрюмым и неразговорчивым. Только одна девчонка, Любка, местная красавица, неумоимо старалась завлечь его, громко смеясь и приглашая танцевать. Иван неохотно подчинялся ей. После бурной гулянки Любка осталась ночевать у Ивана, утащив его на сеновал. Вот и судьба определилась, только вот настоящая она или нет? Только время может ответить на этот вопрос.

Прошло почти полтора года, Иван так и не женился, мучая тем самым свою подругу Любку. Однажды при очередном свидании, она стала его упрекать в холодности, в том, что он ее не любит, а любит свою Вальку. Иван, резко притянул к себе Любку, взял ее за подбородок и, глядя прямо в глаза, проговорил: «А это не твоего ума дело» и, быстро отпустив, развернулся и пошел прочь от нее. Любка не ожидала такого поворота дела, сначала замолчала, а потом бросилась за Иваном вслед, плача и окликая его. Но Иван шел быстро и даже ни разу не оглянулся. Только одно приходило на ум – это напиться до чертиков и забыться. Иван дошел до местного магазина, на пороге ему повстречался бывший друг Васька.

Привет Василий.

Привет, – ответил Васька.

Ты выпить хочешь? – спросил Иван.

А как же. Выпить я всегда хочу.

Подожди меня, я сейчас куплю бутылку, и мы посидим с тобой на берегу речки, вспомним былое. Иван зашел в магазин, там знакомая продавщица дала ему из – под прилавка бутылку и немного закуски. Василий, выпив вторую порцию, совсем захмелел. Он низко наклонил голову и стал плакать, размазывая грязными руками слезы по лицу.

Вань, ты знаешь, я ведь так виноват перед тобой, а ты меня еще и угощаешь, – Васька зашмыгал носом.

В чем ты виноват передо мной? – спросил Иван.

Да, ты знаешь..., – и Васька поведал Ивану, как он в пьяном виде поддался искушению и по настоянию тетки Ули, поверив ей, что Валентина неверна, написал другу письмо. – А на утро я понял, что сделал и прибежал к твоей матери, и потребовал письмо назад, но она меня прогнала, сказав, что никакого письма она не видела, но я- то знаю точно, что я писал, хоть был изрядно пьян. А потом, узнав, что Валентина забрала дочь и уехала, я понял, что письмо- то было.

Ивана Васькино признание как обожгло током.

Васька, так ты..., – у Ивана не было слов, ком в горле не давал говорить. Он быстро поднялся с травы, взял Ваську за грудки и так встряхнул его, ставя на ноги, а затем оттолкнул от себя. Васька кубарем покатился к самой воде, повторяя: «Так мне и надо».

Иван не бежал, а летел домой, посмотреть в глаза матери. Открыв калитку ударом ноги, он одним махом взбежал на крыльцо, а затем в дом. Мать стояла возле печки, готовила обед. Иван с порога крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.